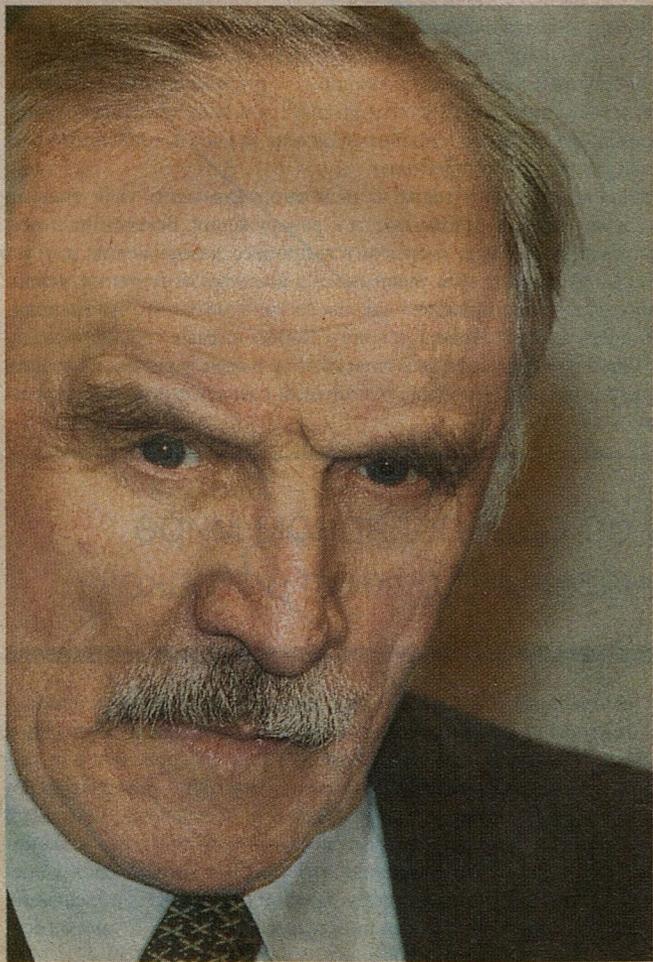

Независимая газ. - 2007 - 28 марта. - 48

Памяти настоящего человека

Умер Михаил Ульянов

Григорий Заславский

О тяжелой болезни Михаила Александровича Ульянова начали говорить лет восемь тому назад, а то и больше. Каждый день рождения справляли как последний, хотя пышности, торжественности празднования он сам сопротивлялся как мог. В воскресенье информационные агентства распространили новость о госпитализации, сообщили про тяжелое состояние, дав таким образом журналистам возможность подготовиться, собрать слова и мысли. И все же, все же, все же...

Он опрокидывал представления о том, как болеют смертельной болезнью. Несколько лет назад, уже усталый, осунувшийся, он вдруг поразил всех, начав традиционный сбор труппы речью, которая бы – еще чуть-чуть – прозвучала как слово о финале великого театра, Театра имени Вахтангова, которым он руководил без малого 20 лет. Это было пронзительное слово о традиции, о том, когда она живет и когда умирает. Для театра, который гордится своим «вахтанговским» началом, где мастерство и традицию по-прежнему передают из рук в руки, да и вообще для нашего театра, где идеалы давно уж уступили место интересам, это выступление было революционным. И в Ульянове вдруг, как когда-то, проступили черты его героев, людей-глыб, негибаемых, цельных.

Не режиссер (хотя в послужном списке Ульянова имелись и режиссерские работы, и он сам говорил, что ставить ему интересно, но – наступил на горло собственной песне, уступив призыву возглавить театр), он был художественным руководителем.

Ульянов им и был, умело сдерживающим «громокипящие» элиты Вахтанговского театра, где у каждого – свои представления о «вахтанговском». Ульянов давал авансы то одним, то другим, в итоге сохраняя «корабль» на плаву... Сдерживал в театре, как сдерживал от распада и развала Союз театральных деятелей. Трудно сказать, знал ли он, куда идти и куда вести других, но непрерываемая складка на лбу как-то всех убеждала в его правоте. Как убеждали и его герои. В театре, который, подобно другим академиям, неминуемо входил в пору системного кризиса, все-таки случались благодаря Ульянову бурные выплески театральной энергии – с приходами Петра Фоменко, Туминаса, Дитятковского, Мирзоева. Ульянов был

терпим к другим и видел спасение там, где иным виделась гибель. И вправду продолжал традиции театра, где, как верно заметила однажды критик Инна Вишневская, в «ленинские времена» один актер мог играть Ленина и Тарталью. В том и была и остается одна из главных загадок Вахтанговского театра.

Народный артист СССР, лауреат Государственной и Ленинской премий, Герой Социалистического Труда... Все это было ясно, иначе и быть не могло. Он никогда не был диссидентом, напротив, всегда – в авангарде. Хотя,

Качество, вызывавшее зависть, –
цельность натуры. Ульянов сам –
пример цельности, человека-глыбы

например, одна из лучших его ролей – писателя в кризисе, в фильме Глеба Панфилова «Тема», – сильнее прочих опальных романов описывала и констатировала неисправимость ложной советской жизни.

Важное, не сегодняшнее качество Ульянова, вызывающее зависть у мальчиков иных веков, – цельность натуры. Ульянов сам – пример цельности, человека-глыбы. Он, скажем, в отличие от Ефремова не создал нового стиля или нового театра (спустя время наверняка заговорят о том, что при Ульянове театр несколько потерял) – однако Ульянов тоже был создателем, по природе – не разрушителем. Это, вероятно, кроме очевидного лидерства, и сыграло когда-то свою роль, когда Ульянова призвали в ху-друки Вахтанговского театра.

Давно покинувший Сибирь, где родился, Ульянов сумел сохранить связь с почвой, эта связь – в самом его облике, основательность в его случае – связь с основами жизни, с какой-то очень положительной энергией жизни, созидательной энергией, здоровой силой. ■

Ульянов М.А.
(Михаил Александрович!)

28.03.07